

земледелия, такие, как состав выращиваемых сельскохозяйственных культур, огневая сушка снопов и др., в картах атласа не отражены.

Атлас содержит продуманные и технически хорошо выполненные карты, текст сопровождается многочисленными фотографиями и детальными рисунками. Тем досаднее отдельные неточности и несоответствия между картами, рисунками и подписями к ним. Так, на карте I перепутаны подписи к рисункам 3, а и 3, б (в типологической таблице), то же — нумерация рисунков в типологической таблице на карце 4 (рис. III—16 и III—2). Неверна ссылка на с. 90 текста на карту 29 и т. д. На наш взгляд, плохо продуманы подписи к рисункам в тексте. В ряде случаев подписи к нескольким рисункам объединены в один текст, а сами рисунки не снабжены порядковыми номерами. В результате не всегда легко понять, что к чему относится. Например, на с. 69 на одном рисунке изображены два типа серпов, даны они как два рисунка — 46 и 47; около серпов обозначены только дважды подномера 1—4; на с. 25 под № 154 и 155 идут три изображения мялок с дощатым корпусом и т. п.

Пользование картами затрудняет то обстоятельство, что большая часть черно-белых карт отпечатана на обеих сторонах листа. Несомненно, карты следовало давать в жесткой папке. Для таких работ, как атласы, разумнее идти на некоторое увеличение их стоимости, но продлить срок службы карт, тем более, что сборник предназначен не только для личного пользования, но в значительной части тиража приобретает библиотеками.

В целом атлас — образец многолетнего плодотворного труда большого коллектива советских этнографов. В настоящем выпуске его с достаточной полнотой, детальностью и наглядностью представлена традиционная агрокультура крестьянства Прибалтики. Особую ценность настоящей работе в отличие от монографических исследований придает картографированный свод элементов и явлений агрокультуры Прибалтики, выявляющий взаимосвязанные локальные и ареальные особенности ее сложения и функционирования. Обоснованная и подробно разработанная типология основных элементов земледельческой культуры, убедительные ретроспекции с привлечением археологических и других ранних источников в сочетании с данными картографирования позволяют проследить происхождение и развитие многих орудий, способов и приемов ведения земледельческого хозяйства. Широко развернута панорама интенсивных изменений агрокультуры и земледельческой техники во второй половине XIX — начале XX в., инспирированных распространением капитализма в сельском хозяйстве Прибалтики.

Одну из главных задач авторы атласа видели в создании необходимой базы для стимулирования и обеспечения дальнейших исторических, этнографических и культуроведческих исследований (с. 131). Настоящий выпуск со всей очевидностью свидетельствует, что поставленная цель выполнена вполне. Некоторое недоумение вызывает малый тираж атласа — 3000 экз. Этого вряд ли достаточно, даже если бы он был рассчитан на распространение только в Прибалтийских республиках. Насколько нам известно, тираж давно разошелся, и достать атлас стало невозможно почти сразу после его выхода. Не хотелось бы, чтобы это повторилось с последующими выпусками.

Н. А. Халиков

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Г. Е. Светлов. *Путь богов (синто в истории Японии)*. М. 1985. 240 с. 8 л. илл.

Рецензируемая книга, посвященная религиозной жизни и обрядам японцев, не первая работа Г. Е. Светлова о синтоизме, но в ней предмет изучения освещен наиболее глубоко.

Генезис и развитие синтоизма рассматриваются Г. Е. Светловым в широком контексте экономической и политической истории Японии, что намного повышает исследовательскую ценность книги.

Г. Е. Светлов правильно подчеркивает связь синто с политикой господствующих классов, связь, которая уходит в глубину веков, пишет об опасности, таящейся в использовании синтоистских традиций для обоснования ультра националистических и гегемонистских целей. Однако в период зарождения японской государственности и осуществления незавершенной буржуазной революции Мэйдзи, проходившей под лозунгом восстановления власти императора, синто сыграло до известной степени прогрессивную роль.

В книге аргументированно показан синкретический характер синтоизма, впитавшего в себя не только разнородные по своему этническому происхождению местные культы, но и пришедшие из Китая сначала даосизм, а затем конфуцианство, из Индии — буддизм и т. п.

Намеченная автором линия в изучении генезиса и основных ингредиентов синтоизма обращает на себя внимание в связи с тем, что в последние годы этой религии уделяется большое внимание в Японии и Китае. Поэтому было бы актуально, если бы в книге было сказано о даосских истоках некоторых синтоистских реликвий. Сравнительно недавно стало известно, что в ритуале даосов Древнего Китая одно из них — священное бронзовое зеркало выполняло функцию шахматно-гадательно-календарной доски. С магическим кругом на этой доске, по-видимому, связана и сферическая форма кургана, где была захоронена легендарная жрица Химико, которая рядом япон-

ских ученых считается теперь одновременно даоской жрицей¹. Форма кургана напоминает замочную скважину и этим отличается от других могильных курганов².

Первоначально эта доска, полированная поверхность которой была предназначена для отражения звездного неба, являлась символом власти всрховного даоского божества, в качестве которого почиталась Полярная звезда, расположенная в самой высокой части небосвода. По-китайски эта звезда именовалась «тяньхуан», в японском произношении «тэнно» (небесный владыка). По преданию считалось, что это божество пребывает в пурпурно-лиловом зените — троне небесных владык (Кодзики, Предисловие, фрагмент 3).

Обстоятельно обрисован автором процесс становления и развития начиная с IX в. синто-буддийского синкретизма в форме концепции проявления Будды в доступном для понимания японцами образе, в частности местных синтоистских божеств (Хондзи суйдзюку). Эта концепция была систематизирована в XIII—XV вв., вызвав большие изменения в синтоизме, но буддизм, как и другие верования, не поглотил, а только обогатил его, создав предпосылки для выработки синтоистской догматики (с. 62).

Но не только буддизм оказывал влияние на синтоизм, но и буддизм подвергался воздействию синтоизма. Это видно на материале того раздела монографии, где показана трансформация доктрины и обрядности японского буддизма в XII—XIII вв., приспособления их к религиозному сознанию народных масс (с. 64—70).

Объясняя подъем новых направлений буддизма их успешным обращением в острой кризисной ситуации к вышедшему на передний план классу самураев, Г. Е. Светлов раскрывает процесс формирования идеологической традиции синтоизма в результате синтеза двух основных религий Японии.

В книге показано, какое влияние на синтоизм оказывал не только буддизм, но и конфуцианство в его интерпретации китайским мыслителем Чжу Си (1130—1200). Автор убедительно доказывает, что превратив храмы в одно из важных звеньев механизма своего господства, сёгунат Токугава (1603—1867) стал отводить главную роль внедрению идеологии чжусианства, поскольку господствующие классы Японии весьма привлекала содержащаяся в нем идея неизбежности классовой иерархии феодального общества и требование беспрекословного подчинения подданных своему правителю.

В книге делается вполне обоснованный вывод, что синтоистские теологи использовали это модное в тот период идеологическое течение для укрепления элементов своей догматики (с. 93).

Когда буддизм стал отодвигаться на второй план, естественным было и появление другого религиозного течения — «возрождения древнего синто» (фукко синто), приверженцы которого так же, как и конфуцианцы, идеализировали «путь древности». Не умаляя значения филологических исследований классических памятников японской литературы, проведенных известными представителями этого направления (например, Норимага Мотоори — 1730—1801), Светлов делает акцент на таких негативных чертах их идеологии, как утверждение превосходства японской нации и ее пресловутой исключительности, которая «обосновывалась» непрерывностью правящей японской династии (с. 97—98). Но эти идеи, как показано, в монографии, которые импонировали господствующим классам Японии, не получили распространения среди трудящихся. Распространение синтоизма на уровне обыденного сознания пошло по другому пути — пути восприятия синтоистских божеств как сверхъестественных сил, способных предоставить человеку земные блага, а не блага в потустороннем мире. Так вполне логично объясняется в книге возникновение двух направлений развития синтоизма в Новое время — государственного синто и тех новых религий, которые базировались на синто (с. 103).

Один из лучших разделов в работе посвящен становлению и развитию государственного синтоизма в XIX—XX вв. Автор шаг за шагом прослеживает условия, которые создали питательную среду для превращения «пути богов» в путь, который привел Японию к национальной катастрофе в результате поражения японского империализма во второй мировой войне (с. 118—180). Попытки, предпринимаемые в настоящее время правящими кругами Токио с целью возродить традиции государственного синто, как показано в заключительных разделах монографии, выглядят в этом контексте особенно неприглядными и опасными.

Значение рецензируемой монографии повышается благодаря тому, что в ее ключительном разделе освещается борьба демократических сил против реакционных аспектов синтоистской религиозной обрядности, которая является органической частью антивоенного движения.

Книга снабжена многочисленными иллюстрациями, в том числе цветными, что делает изложение наглядным и более убедительным.

В заключение автору можно было бы высказать замечание в отношении неравномерности освещения различных направлений современного синтоизма, а также обратить внимание на мелкие погрешности в транскрипции названий японских и китайских реалий. Однако это не меняет высокой оценки рецензируемой книги, являющейся первой в нашей стране монографией о национальной религии Японии, написанной с научных позиций.

К. Е. Черевко.

¹ Воробьев М. В. Япония в III—VII вв. М., 1980. С. 74, 78.

² Там же. С. 78.